

В.К. Есина

Переосмысление травмы: книга Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» и попытка автора пересмотреть образ вианбу в южнокорейском обществе

Аннотация. Проблема «женщин для утешения» — это один из наиболее болезненных и спорных вопросов в отношениях между Южной Кореей и Японией. На протяжении многих лет официальный южнокорейский нарратив о *вианбу* строился вокруг образа пассивных жертв, рекрутированных в японские полевые бордели и подвергавшихся там насилию и унижению.

Однако книга корейской исследовательницы Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» поставила под сомнение правдивость этого стереотипного представления, предложив более глубокий взгляд на судьбы этих женщин. По словам Пак, не все кореянки были юные, чистые и невинные, как принято считать, и не все из них страдали на «станциях утешения», а некоторые даже получали зарплату и налаживали с японцами вполне дружеские отношения. Автор также критикует деятельность правозащитников, особенно Корейского совета, которые, по ее мнению, монополизировали право на формирование образа *вианбу*, в результате чего в современном корейском обществе сложилась довольно агрессивная и непримиримая среда, не допускающая никаких других точек зрения по проблеме «женщин для утешения».

После публикации книги Пак Ю Ха стала в глазах корейской общественности предательницей. В течение десяти лет она пыталась в суде отстоять свое право на академическую интерпретацию и свободу слова, пока Верховный суд Южной Кореи в октябре 2023 г. не оправдал ее.

Можно сказать, что, написав книгу, Пак вступила в конфликт не с самой историей, а с механизмом формирования исторической памяти. История «женщин для утешения» — это важная часть национальной памяти корейского народа о войне и японском колониализме, и потому в обществе неизбежно сложился миф о них как о национальных героинях, борцах и жертвах. Однако Пак подошла к проблеме сугубо рационально, затрагивая болезненные аспекты и стремясь открыть людям глаза на неудобную правду. Попытка такого переосмысления, пусть и не направленная на отрицание страданий жертв, была воспринята как посягательство на святое. Конфликт, развернувшийся вокруг книги, стал не просто спором о фактах, а борьбой за контроль над интерпретацией травматического прошлого. В статье утверждается, что подобные нарративы не поддаются пересмотру извне — изменения возможны лишь тогда, когда в обществе сфор-

мируется внутренняя готовность к диалогу и переосмыслению. Судьба книги Пак Ю Ха показывает, что без такой готовности даже ценные и смелые исследования обречены остаться на периферии общественного сознания.

Ключевые слова: «женщины для утешения», вианбу, книга, Пак Ю Ха, общество, Южная Корея.

Автор: Есина Валерия Константиновна, магистрант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1). ORCID: 0009-0003-6021-0106. E-mail: yesinavaleria@gmail.com

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Есина В.К. Переосмысление травмы: книга Пак Ю Ха «Женщины для утешения» Японской империи» и попытка автора пересмотреть образ вианбу в южнокорейском обществе // Корееведение. 2025. № 2 (11). С. 74—103. DOI: 10.48647/ICCA.2025.67.10.007.

Esina V. K.

Rethinking Trauma: Comfort Women of the Japanese Empire by Park Yu-ha and Author's Attempt to Reframe the Image of the Wianbu in South Korean Society

Abstract. The issue of “comfort women” is one of the most painful and contentious topics in relations between South Korea and Japan. For many years, the official South Korean narrative about the *wianbu* was built around the image of passive victims, recruited into Japanese military brothels and subjected to violence and humiliation. However, the book *Comfort Women of the Japanese Empire* by Korean scholar Park Yu-ha challenged the truthfulness of this stereotypical portrayal, offering a more complex view of these women's lives. According to Park, not all Korean women were young, pure, and innocent, as commonly believed, and not all of them suffered in the “comfort stations”. Some even received salaries and formed relatively friendly relationships with the Japanese.

The author also criticizes the activities of human rights advocates, particularly the Korean Council, which, in her view, monopolized the right to shape the image of the *wianbu*. As a result, modern Korean society has developed a rather aggressive and uncompromising atmosphere that allows no alternative viewpoints on the issue of “comfort women”. After the publication of her book, Park Yu-ha was branded a traitor by the Korean public. For ten years, she fought in court to defend her right to academic interpretation and freedom of speech, until South Korea's Supreme Court acquitted her in October 2023.

It can be said that by writing her book, Park did not enter into conflict with history itself, but rather with the mechanism of historical memory formation. The story of the “comfort women” is an important part of the Korean people's national memory of war and Japanese colonialism. Therefore, a myth inevitably took shape in society, portraying them as national heroines, fighters, and victims. Yet Park approached the issue in a strictly rational manner, touching on painful aspects and seeking to open people's eyes to inconvenient truths.

Such an attempt at rational rethinking, even though it was not aimed at denying the suffering of the victims, was perceived as an attack on something sacred. The conflict that unfolded around the book became not just a dispute over facts, but a struggle for control over the interpretation of a traumatic past. This article argues that such narratives cannot be revised from the outside. Change is only possible when society develops an internal readiness for dialogue and re-evaluation. The fate of Park Yu-ha's book

shows that without such readiness, even valuable and courageous research is doomed to remain on the margins of public consciousness.

Keywords: comfort women, wianbu, book, Park Yuha, society, South Korea.

Author: Valeria K. Esina, Master's Student of the Institute of Asian and African Studies at Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0009-0003-6021-0106.
E-mail: yesinavaleria@gmail.com

Conflict of Interest: The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Esina V.K. Pereosmyslenie travmy: kniga Pak Ju Ha «“Zhenshiny dlya utesheniya” Japonskoj imperii» i popytka avtora peresmotret' obraz wianbu v juzhnokorejskom obshhe-stve [Rethinking Trauma: Comfort Women of the Japanese Empire by Park Yu-ha and Author's Attempt to Reframe the Image of the Wianbu in South Korean Society] // Koreevedenie [Koreanology], 2025, 2 (11). С. 74—103.
DOI: 10.48647/ICCA.2025.67.10.007.

Введение

Проблема «женщин для утешения» — это один из наиболее болезненных вопросов в японо-южнокорейских отношениях. На протяжении десятилетий официальный корейский нарратив о *вианбу* строился вокруг образа пассивных жертв, насильно увезенных в японские полевые бордели и столкнувшихся там с нечеловеческой жестокостью. Этот образ формировался при активном участии гражданских активистов, неправительственных организаций и средств массовой информации, в результате чего в общественном сознании закрепился единственный легитимный образ жертв, а любые свидетельства и интерпретации, не вписывающиеся в этот канон, оказались вытеснены на периферию памяти или вовсе исключены из нее.

Книга корейской исследовательницы Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» бросила вызов этому представлению, предложив более глубокий и неоднозначный взгляд на судьбы этих женщин. Закономерно ее исследование вызвало большой общественный резонанс, продемонстрировав, насколько борьба за сохранение памяти может трансформироваться в борьбу за монополию на ее интерпретацию, вплоть до исключения из дискурса самих жертв, чьи воспоминания не укладываются в каноническую версию событий.

В настоящей статье анализируется, как и чьими усилиями в Южной Корее сформировался образ «женщин для утешения», какие именно идеи Пак Ю Ха вызвали в обществе отторжение и критику. Цель данного исследования — выяснить, в чем заключается конфликт между книгой Пак Ю Ха и устоявшимся представлением о *вианбу* как о жертвах колониального режима в соответствии с доминирующим в официальном политическом дискурсе и корейской историографии подходе о колониальной эксплуатации.

Кто такие «женщины для утешения»

Военные публичные дома, или «станции утешения», появились в японской армии в 1930-х годах. Так руководство боролось с изнасилованиями, которые могли привести к конфликтам между военными и местным населением. Станции также были призваны поддерживать боевой дух солдат, пресекать возмож-

ность шпионажа через проституток и защищать личный состав от венерических заболеваний [Стрельцов, 2022, с. 88]. Там оказывались девушки из стран, попавших под японскую колониальную зависимость. Точных данных о количестве и национальном составе работниц нет, а приводимые в литературе оценки варьируются от десятков тысяч до полумиллиона человек. В их рядах были китайки, индонезийки, голландки, филиппинки и даже японки, но считается, что большую часть работниц составляли кореянки. Японцы называли девушек «ианфу» (慰安婦) — «женщины для утешения», корейское же прочтение этих иероглифов — «вианбу» (위안부).

Девушки попадали на станции разными способами: одни поступали на службу добровольно, других рекрутировали насильственно либо же продавали собственные семьи, однако многих кореянок попросту обманывали, предлагая работу в метрополии. Работавшая на «станции утешения» в годы войны г-жа Кан рассказывала: «Однажды мне сказали: “Доа! Если ты пойдешь, куда тебе скажут, ты разбогатеешь. Сможешь есть досыта!” Я тогда рассудила, что так и я смогу нормально есть и одеваться, и мои родители, братья и сестры тоже смогут хорошо жить... Тогда почему бы и не попробовать? Они сказали, что могут забрать меня в любой день. Говорили, если пойти туда и немного поработать, можно будет отправлять деньги домой. Я пошла с этими мыслями». На вопрос, знала ли она, чем ей придется заниматься, г-жа Кан ответила: «Не знала, конечно. И родители [не знали]. Они знали только, что деньги будут приходить хорошие. Я думала, буду еду готовить или что там... убираться буду. Даже в мыслях не было другой работы. Такое даже в страшном сне не приснится. <...> Если бы знала все заранее, пошла бы за ними? Может быть, просто утопилась бы в речке. Да и семья бы меня не пустила»¹. Другую девушку, 16-летнюю Сон Син До, заманили на станцию, пообещав ей, что она будет присматривать за прачечной и медпунктом, но в итоге она попала на японские военные базы в Китае, где ей также пришлось заниматься проституцией².

Сложно сказать, какими были условия жизни и работы на станциях. Вероятно, они различались в зависимости от военной части. Во многих свидетельствах описывается сочетавшийся с жестоким обращением и побоями тюремный режим. На таких станциях девушки фактически оказывались армейским имуществом и обращение с ними было соответствующее. Г-жа Кан вспоминала: «Меня схватили и колотили. Били просто до смерти. Поймали и колотили до смерти, словами не передать. Меня четыре дня морили голодом. Это ведь не шутки. Когда тебя бьют здоровенные амбалы, кто это сможет выдержать? Не выразить словами»³. Другая женщина, г-жа Ли Ок Сон, рассказывала, что за один день им при-

¹ Интервью с г-жой Кан от Школы Востоковедения НИУ ВШЭ / пер. с кор. Нонны Бобровой // Высшая школа экономики. URL: <https://oriental.hse.ru/hismem/kan> (дата обращения: 10.04.2025).

² Testimony of Former Comfort Woman // Korea JoongAng Daily. 04.01.2003. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2003/01/04/socialAffairs/Testimony-of-Former-Comfort-Woman/1869678.html> (accessed: 20.05.2025).

³ Интервью с г-жой Кан от Школы востоковедения НИУ ВШЭ / пер. с кор. Нонны Бобровой // Высшая школа экономики. URL: <https://oriental.hse.ru/hismem/kan> (дата обращения: 10.04.2025).

ходилось обслуживать 40—50 солдат, а тех девушек, которые отказывались делать это, выстраивали у стены и резали ножами. Ли сказала: «Я не называю это “станцией утешения”. Я называю это бойней»¹. В свою очередь, Джен Рафф-О’Херн, голландка, которая была увезена из индонезийского лагеря для военнопленных, вспоминала, как прибыла на станцию: «Мы сразу же начали протестовать. Мы говорили, что нас не заставят это делать, что они не имеют права нас заставлять, ведь это противоречит Женевской конвенции. А они просто смеялись над нами. Они говорили, что могут сделать с нами все, что захотят»². По свидетельствам других *вианбу*, их жизнь была не такой тяжелой: они имели свободное время, получали деньги на личные нужды и т. п. Так, например, г-жа Мун Ок Чжу, работавшая в Бирме, утверждала, что смогла накопить небольшую сумму денег, часть из которых отправила семье в Корею³.

С течением войны условия жизни *вианбу* закономерно ухудшались, возможности уйти у них не было. Но даже если бы командование и отпустило работницу, ей просто некуда было идти, ведь станции располагались вдали от их родины. В итоге выживало меньшинство: после капитуляции Японии эвакуацией женщин никто не занимался, многие не смогли вернуться домой и пропали без вести, а часть были убиты отступающими войсками [Стрельцов, 2022, с. 90].

Как формировался образ «женщин для утешения» в корейском обществе

Как общественно-политическая проблема вопрос «женщин для утешения» оформился только в 1990-е годы, хотя о нем говорили и раньше. Первая монография на эту тему была опубликована японским журналистом Сэнда Како в 1973 г. под названием “Military Comfort Women: The Indictment of 80,000 Voiceless Women” и стала «скрытым» бестселлером среди ученых и интеллектуалов, не привлекая широкого внимания общественности [Stetz, Oh, 2015, pp. 33—34]. Примечательно, что Како, начавший исследование в 1960-х годах, т. е. спустя всего примерно двадцать лет после окончания Второй мировой войны, до этого не имел никакого представления о *вианбу* и узнал о них совершенно случайно, когда занимался подготовкой фотоальбома «Боевой опыт Японии» для журнала Mainichi Graph. Он писал: «Именно в ходе этой работы я наткнулся на десятки странных фотографий женщин. На снимках, по всей видимости, были кореянки, которые шли вместе с солдатами и несли багаж на головах. Эти фото встречались мне постоянно. Судя по всему, они были сделаны вскоре после начала японской оккупации Китая. Женщины были одеты в японскую одежду, их прически тоже были в японском стиле. Когда они садились на корабль, китайцы смотрели на них с отвращением. На негативах не было никаких пояснений, кем были эти

¹ An Important Statue for “Comfort Women” in San Francisco // The New Yorker. 12.10.2017. URL: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/an-important-statue-for-comfort-women-in-san-francisco> (accessed: 19.05.2025).

² Ibid.

³ The Truth about the Comfort Women // Kyoikukan Inxex. 03.08.2024. URL: https://www.shirakaba.gr.jp/home/tayori/k_tayori157EN.htm (accessed: 20.05.2025).

женщины, и я решил выяснить это самостоятельно, и именно тогда впервые узнал о *вианбу*» [Stetz, Oh, 2015, p. 34].

В 1980-х годах в Японии было опубликовано еще несколько книг о *вианбу*, но и они не привлекли широкого внимания общественности [Stetz, Oh, 2015, p. 34]. В Корее данная тема также долгое время оставалась в тени, поэтому в массовом сознании вплоть до 1990-х не сложилось как такового образа «женщин для утешения»: о них попросту ничего не знали, а сами они не спешили публично делиться своими историями, на что были свои причины. Выделим некоторые из них.

Во-первых, в патриархальном корейском обществе сексуальное насилие воспринималось как позор для женщины и ее семьи. Жертва считалась «оскверненной» и потому нежеланной для брака, причем в том, что с ней произошло, была виновата она сама¹. Женщины чувствовали себя никчемными и грязными, и многие из них после войны так и не смогли вернуться к нормальной жизни. Вот как о своей жизни рассказывала Ким Бок Дон, ставшая *вианбу* в 14 лет: «После того, как меня забрали, многие девушки из моей деревни тоже куда-то уехали. Никто точно не знал, стали ли они “женщинами для утешения”. Сами они говорили, что поехали работать в госпиталь или детский приют. Я тоже говорила, что работала в госпитале. В нашей деревне не было врача, и когда дети болели, я делала им уколы и знала, какие лекарства следует принимать, поэтому все мне верили. Поначалу о моем прошлом знали только мама и старшая сестра, но потом узнали и другие братья и сестры. Хотя и мама тоже сначала не знала и пыталась выдать меня замуж, поэтому мне пришлось ей рассказать. Я этого не хотела, но не могла иначе. Над моим телом столько издевались, что я не желала портить жизнь другому мужчине. <...> Две женщины, с которыми я вместе работала на станции, после возвращения на родину оказались в борделях. Я спросила у одной: “Как у тебя не дрожит тело от ужаса?”, а она ответила: “А что еще я умею делать? Я только это и знаю”»². Ким Бок Дон в итоге все-таки вышла замуж, но брак этот был бездетным и несчастливym, и после смерти мужа она осталась совсем одна. Ее история свидетельствует о том, что многие женщины после пережитого ставили на себе крест и оставляли всякую надежду на нормальную жизнь. Общество того времени не могло их принять, а они понимали это и потому молчали. Алексис Дадден из университета Коннектикута отметила: «Я думаю, ее история после возвращения в Корею — это действительно хорошее объяснение двойной виктимизации тех, кто выжил. В этом обществе женщины не могли выступить публично»³.

Во-вторых, в послевоенные годы в корейском обществе еще не сложились условия для осмысления и проговаривания травматического опыта *вианбу*. После

¹ An Important Statue for “Comfort Women” in San Francisco.

² 제1차 아시아연대회의 김복동의 증언 (한국어) // 전쟁과여성인권아카이브 (Че 1-ча Асия ёнде хвечи Ким Бок Доны чынон (Хангуго)). [Свидетельство Ким Бок Дон на Первой азиатской конференции солидарности // Архив войны и прав человека]. 10.08.1992. URL: <https://archives.womenandwar.net/items/show/5738> (дата обращения: 10.04.2025). (На кор.)

³ Obituary: Kim Bok-dong, the South Korean 'comfort woman' // BBC. 03.02.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-47042684> (accessed: 10.04.2025).

освобождения в 1945 г. страна была сосредоточена на восстановлении: корейцам приходилось тяжело трудиться в условиях крайней бедности и политической и социальной нестабильности. На фоне этого проблема изнасилованных во время войны женщин была попросту неактуальной. Более того, даже если бы они и хотели рассказать о своем опыте, в то время в Корее не существовало соответствующего общественного дискурса и институтов, которые признавали бы сексуальное насилие как социально значимую проблему. В результате в своей беде женщины оказались одинокими и изолированными. Всеобщее молчание породило в их сознании мысль, что они были чуть ли не единственными, кто подвергся издевательствам со стороны японцев. Здесь примечательна история бывшей *вианбу* Ли Ён Су, опубликованная в *The Washington Post*: «В течение 47 лет после окончания войны и возвращения домой она никому не рассказывала о том, что с ней произошло. Она чувствовала стыд, страх и одиночество и понятия не имела, что ее страдания разделили тысячи других молодых женщин, также работавших на “станциях утешения” по всему Тихоокеанскому региону. Будучи не в силах довериться семье, она так и осталась одинокой и бездетной на всю жизнь. Но в 1991 г., когда одна из “женщин для утешения” нарушила полувековое молчание, Ли поняла, что она была не одна. И, наконец, она заговорила»¹. Ли рассказывала: «Я потеряла себя на долгие годы. Я думала, я никчемна. Я не говорила об этом, и никто меня не спрашивал. Пока другие женщины не заговорили, меня просто не существовало»².

В-третьих, после войны многие *вианбу* не знали, куда себя деть, и потому продолжали заниматься проституцией, но уже на американских военных базах в Южной Корее. Работниц называли уничижительным словом «янгончжу» (양공주), переводимым как «принцесса янки» или «западная принцесса», но также имеющим другие коннотации, такие как «жена янки», «проститутка янки» и «леди ООН» [Kim, Choi, 1998, p. 178]. В Корее они занимали самое низкое место в иерархии секс-работниц. Позже этот термин стали применять и к простым женщинам, вступившим в брак с американскими солдатами. И они, и *янгончжу* подвергались стигматизации за недостойное поведение и считались предательницами нации. Что касается секс-работниц, то сам факт того, что они, казалось, добровольно пошли работать к американцам, только укрепил окружающих в мысли, что они обычные проститутки, которые попросту не хотят зарабатывать на жизнь другим способом. Если «женщин для утешения» еще можно было как-то оправдать, то здесь оправданий уже не было. Конечно, ситуация, когда девушки имели секс с американцами «за тушенку и сигареты», с точки зрения феминисток, не сильно отличается от ситуации *вианбу*, потому что речь в любом случае идет о принуждении и высоком уровне насилия в обществе. Тем не менее «западные принцессы» пока не объявлены жертвами военных преступлений, по-

¹ 70 years later, a Korean ‘comfort woman’ demands apology from Japan // *The Washington Post*. 22.04.2015. URL: https://www.washingtonpost.com/local/70-years-later-a-korean-comfort-woman-demands-apology-from-japan/2015/04/22/d1cf8794-e7ab-11e4-9767-6276fc9b0ada_story.html (accessed: 10.04.2025).

² Ibid.

этому здесь могут существовать различные точки зрения. Следует подчеркнуть, что проституция с американскими военными, вынужденная или добровольная, еще больше навредила и без того шаткой репутации девушек, что также стало причиной их молчания.

Наконец, нельзя не отметить, что любая национальная травма осмысляется не сразу, а лишь спустя время. Она прорывается в общественном сознании либо через несколько поколений, либо в периоды политических и культурных изменений, когда возникает «окно возможностей». Травма часто становится предметом обсуждения, когда появляются новые свободы в результате падения диктатур и начала демократизации, когда возникают новые социальные движения, а также когда вырастают новые поколения, более смелые и дерзкие, не связанные условиями предыдущих эпох, готовые открыто говорить о болезненных темах и переосмыслять устоявшиеся стереотипы. Все эти факторы сошлись в Южной Корее в 1990-х годах, и именно в это время бывшие *вианбу* впервые заговорили о своем трагическом прошлом.

Формирование образа «женщин для утешения» не было стихийным: он складывался в процессе политической и общественной мобилизации, в значительной степени осуществляемой усилиями некоммерческих организаций (НКО), активистов и СМИ. В октябре 1990 г. корейские феминистки выступили с программой из шести пунктов, в которой потребовали, среди прочего, признания японским правительством факта насильственной мобилизации женщин во время войны, принесения официальных извинений и выплаты компенсаций жертвам [Żakowski, 2020, 156]. Спустя месяц, в ноябре 1990 г., была создана НКО «Корейский совет по делам женщин, привлеченных Японией к сексуальному рабству в военное время» (The Korean Council for the Women Drafted for Military Sexual Slavery by Japan, 한국 정신대문제대책협의회), в 2018 г. переименованная в Корейский совет справедливости и памяти по вопросам военного сексуального рабства Японии (The Korean Council for Justice and Remembrance for the Issues of Military Sexual Slavery by Japan, 일본군성노예제 문제해결을 위한 정의기억연대). Своими главными целями Совет объявил: раскрыть реальный масштаб проблемы «женщин для утешения»; добиться признания того, что система военного сексуального рабства Японии является преступлением; получить со стороны японского правительства официальные извинения и денежную компенсацию для выживших *вианбу*; привлечь к ответственности виновных в создании и управлении системой «станций утешения»; строить музеи и памятники жертвам; добиться включения фактов, связанных с системой военного сексуального рабства, в японские школьные учебники¹. На сайте Совета также указаны следующие задачи: создание онлайн и оффлайн возможностей для участия граждан в движении, включая еженедельные демонстрации по средам; превращение Дня памяти «женщин для

¹ Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Роль неправительственных организаций в решении проблемы «Станций утешения» на примере корейского совета по делам женщин, привлеченных Японией к сексуальному рабству в военное время // Modern oriental studies. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-nepравitelstvennyh-organizatsiy-v-reshenii-problemy-stantsiy-utesheniya-na-primere-koreyskogo-soveta-po-delam-zhenschin> (дата обращения: 10.05.2025).

утешения» в Международный день против сексуальной эксплуатации и нарушений прав женщин в условиях конфликтов; укрепление символического значения «статуй мира» в Корее и за рубежом; подготовку международных активистов и развитие взаимодействия с международными организациями, включая ООН; разработку соответствующих образовательных и информационно-просветительских программ и др.¹

В декабре 1990 г. бывшие *вианбу* и корейцы, служившие в рядах японской армии, а также семьи погибших (всего 35 истцов) подали совместный иск против японского правительства в Токийский окружной суд с требованием извинений и компенсаций. Тогда Корейский совет взял на себя ответственность помогать жертвам бороться в суде и предоставлять им финансовую, психологическую и медицинскую помощь². Правительство же не могло официально вмешаться, поскольку в 1965 г. Республика Корея и Япония договорились об отказе от взаимных претензий по итогам Второй мировой войны³. Во многом именно поэтому НКО, которые, в отличие от государства, не были связаны никакими обязательствами, взяли в свои руки борьбу за права «женщин для утешения» и формирование их образа в публичном пространстве.

В 1991 г. одна из бывших *вианбу* Ким Хак Сун впервые рассказала о своем опыте работы на станции, что положило начало волне свидетельств и от других пострадавших. Принимая во внимание болезненность подобных историй, Корейский совет стал брать у жертв и анонимные интервью. В декабре еще одна группа корейских граждан при поддержке НКО (Корейской ассоциации жертв войны в Тихоокеанском регионе и семей, лишившихся родственников) подала иск в суд против японского правительства⁴. Требования истцов оставались теми же, и японцы не спешили их выполнять. Тогда Корейский совет стал организовывать акции протеста перед посольством Японии в Сеуле. Первая такая акция состоялась 8 января 1992 г., и с тех пор демонстрации проводятся каждую среду. На них, несмотря на пожилой возраст, присутствовали и бывшие *вианбу*. 14 декабря 2011 г. прошла тысячная по счету демонстрация, в ходе которой был установлен мемориал «женщинам для утешения» — Статуя мира (평화의 소녀상).

С момента своего создания Корейский совет стал доминирующим голосом во всех публичных дискуссиях, связанных с проблемой *вианбу*. Он выступал от имени жертв в политическом пространстве (в частности, осудил соглашение между Кореей и Японией по вопросу «женщин для утешения» от 28 декабря 2015 г. за то, что оно было заключено без участия самих женщин и активистов, назвав его результатом «унизительной дипломатии» и «дипломатии сговора» [Jo, 2022, 789],

¹ 일본군성노예제문제해결을 위한 정의기억연대 (Ильбонгун сонно ече мунчже хэгёрыль вихан чонгыый киок ёнде). [Корейский совет справедливости и памяти по вопросам военного сексуального рабства Японии]. URL: https://womenandwar.net/activity-eng?utm_source (дата обращения: 15.05.2025). (На кор.)

² Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ. соч.

³ Agreement on the Settlement of Problems Concerning Property and Claims and on Economic Co-operation between Japan and the Republic of Korea. 22.06.1965. URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/JPKR/19650622.T9E.html> (accessed: 15.05.2025).

⁴ Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ. соч.

а также потребовав его отмены)¹; организовывал акции протеста (так, при его активном участии в Чикаго состоялась демонстрация против соглашения 2015 г.)²; влиял на формирование нарративов (например, лоббировал включение темы *ви-анбу* в школьную программу); учредил Международный день памяти жертв 14 августа, который в 2017 г. был официально признан правительством Южной Кореи национальным днем памяти³; а также активно участвовал в международном обсуждении данного вопроса, в том числе на площадке ООН⁴. Исследовательница Чо Ын А отметила: «Усилия по лоббированию, предпринятые Корейским советом в различных международных организациях, вылились в категорическое осуждение Японии со стороны ООН в 1996 г. за военные преступления в отношении корейских женщин. Рекомендации ООН настолько точно отражали требования Совета, что сомневаться в его влиянии не приходилось» [Jo, 2022, 784].

Нельзя не признать, что Корейский совет внес весомый вклад в формирование преобладающего нарратива о «женщинах для утешения», а также в значительной степени взял на себя ответственность за их представительство в публичном пространстве.

На определенных этапах деятельность Совета коррелировала с государственной политикой, и правительство поддерживало усилия НКО, особенно в контексте давления на Японию. Так, оно официально признало «женщин для утешения» жертвами японской агрессии⁵; финансировало Музей войны и прав женщин⁶; признало установленный Советом Международный день памяти жертв 14 августа национальным днем памяти; содействовало установлению статуй мира в Корее и за рубежом и предоставляло организаторам финансовую и административную поддержку⁷. В то же время при администрациях, более склонных к примирению с Японией (например, Пак Кын Хе или Юн Сок Ёля), Совет входил в противостояние с государством, оставаясь независимой и более принципиаль-

¹ Nothing About Us Without Us: Recalling the strong voices of “comfort women” survivors. // positions politics. URL: <https://positionspolitics.org/nothing-about-us-without-us/> (accessed: 10.06.2025).

² Anger erupts over “comfort women” settlement between Japan and South Korea // Medill Reports Chicago. 12.01.2016. URL: <https://news.medill.northwestern.edu/chicago/anger-erupts-over-comfort-women-settlement-between-japan-and-south-korea/> (accessed: 10.06.2025).

³ 일본군성노예문제해결을 위한 정의기억연대. (Ильбонгун сонно ече мунчже хэгёрыль вихан чонхый киок ёнде). [Корейский совет справедливости и памяти по вопросам военного сексуального рабства Японии]. URL: <https://womenandwar.net/activity-eng> (дата обращения: 15.05.2025). (На кор.)

⁴ Korea raises 'comfort women' issue at UN session. // TheKoreaTimes. 16.10.2012. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20121016/korea-raises-comfort-women-issue-at-un-session> (accessed: 15.05.2025).

⁵ South Korea's Dubious Comfort Women Ruling // The Diplomat. 14.02.2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/south-koreas-dubious-comfort-women-ruling/> (accessed: 11.06.2025).

⁶ Former Director of a Women's Rights Museum in Korea Accused of Embezzling Funds // Observer. 15.09.2020. URL: <https://observer.com/2020/09/yoon-mee-hyang-embezzlement-war-and-womens-human-rights-museum-korea/> (accessed: 11.06.2025).

⁷ More 'comfort woman' statues to be installed in Seoul // TheKoreaTimes. 01.03.2017. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20170301/more-comfort-woman-statues-to-be-installed->

ной в вопросе *вианбу* организацией. На очередной демонстрации в среду 16 августа 2023 г. председатель Корейского совета Ли На Ён, комментируя речь президента Юн Сок Ёля, заявила: «В то время как президент Юн восхвалял Японию как хорошего партнера, полностью стирая историю ее военных преступлений, японский премьер направил подношения храму Ясукуни, а министры совершили туда массовое паломничество. Таким образом, президент Республики Корея встал на сторону Японии в вопросе искажения исторических фактов. Так называемые общие ценности с Японией, о которых говорил президент Юн, — это отрицание истории, милитаристское перевооружение без капли раскаяния, возрождение империализма, а также давление на народы Корейского полуострова. Это то, что вызовет глубокое горе у их предков на небе»¹.

В то же время нельзя не отметить, что на протяжении своего существования Корейский совет неоднократно пытался монополизировать право на интерпретацию образа «женщин для утешения» и их представительство. Он довольно жестко высказывался против попыток, с одной стороны, внедриться в эту повестку, а с другой — разрешить вопрос, потому что после решения проблемы эта НКО утрачивает смысл. Как мы упоминали ранее, Совет осудил соглашение 2015 г., которое было большим шагом вперед на пути преодоления проблем исторического прошлого. Здесь можно вспомнить и ситуацию с Азиатским женским фондом (AWF) — организацией, учрежденной правительством Японии в 1995 г., но финансировавшейся в основном за счет частных пожертвований от японских граждан с добавлением средств из государственного бюджета на медицинскую и социальную поддержку пострадавших. 11 января 1997 г. директор AWF Тэруко Канехира встретила с бывшими *вианбу* и передала им письмо от премьер-министра Японии и президента Фонда. Жертвам были предоставлены компенсации (2 млн иен), а медицинская и социальная помощь осуществлялись отдельно². Корейское правительство положительно оценило действия AWF, но со временем под давлением Корейского совета его позиция изменилась. Совет стал проводить кампанию против деятельности Фонда, называя его лишь прикрытием для японских властей, которые, создав частную организацию и используя благотворительные деньги, таким образом пытались избежать прямой юридической ответственности за военные преступления. Совет требовал извинений от императора, а также компенсацию непосредственно от японского правительства. С 1996 по 1997 г. в Корее проводились кампании по сбору средств для «женщин для утешения», чтобы у них не «возникло соблазна» принять деньги от AWF³. За это время только семь из примерно 200 выживших *вианбу* приняли выплаты Фонда, что вызвало возмущение и резкую критику со стороны корейских активистов⁴. В апреле

¹ 정외연 “윤 대통령, 일본에 면죄부 주고 우리 민중은 공격” (Чоныйён ”Юн тэтхоннён, ильбонэ мёнчжобу чуго ури минчжун-ын конгёк”). [Корейский совет: «Президент Юн простил Японию и обрушился на собственный народ»] // The Hankyoreh. 16.08.2023. URL: https://www.hani.co.kr/arti/society/society_general/1104500.html (дата обращения: 11.06.2025). (На кор.)

² Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ соч.

³ Там же.

⁴ Там же.

1998 г. по просьбе Корейского совета правительство Ким Дэ Чжуна одобрило дополнительные выплаты в размере 31,5 млн вон для 140 женщин при условии, что они обязуются не принимать деньги от Фонда¹. Исследовательница Сара Со приводит данные, согласно которым по состоянию на октябрь 2000 г. 170 жертв из Кореи, Тайваня и Филиппин приняли японские выплаты, при этом число филиппинских получателей превысило сотню, в то время как общее число корейских и тайваньских получателей приближалось к пятидесяти. Сара Со пишет: «Столкновение между теми, кто критикует Фонд, и выжившими, которые хотят принять от него выплаты, поднимает вопрос о базовых правах жертв. Имеют ли выжившие право решать, принимать ли предложение Фонда и таким образом закрыть этот печальный этап своей жизни? Не создает ли руководство движения, настаивая на юридической ответственности Японии и компенсациях со стороны государства, новую жертву, лишая выживших свободы выбора?»² В свою очередь, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Китая и современной Азии РАН Константин Асмолов отметил, что «если бы НКО, которые активно пиарятся на страданиях “утешительниц”, интересовала бы именно судьба женщин и выделение им адекватной компенсации, то нет никакой разницы, из каких именно средств это будет произведено. Если же этой кампанией Южная Корея преследует цель постоянно стыдить правительство Японии, требовать еще более “искренних” извинений и компенсаций, напоминать молодежи о зверствах колонизаторов на примере вианбу, то получается, что главный интерес — это не благополучие жертв, а политическая выгода»³.

Во многом Совет также несет ответственность за формирование «единственно верного» образа *вианбу*, который не подлежит пересмотру. Канонический образ «женщин для утешения» обязательно включал в себя негативный опыт взаимодействия с японцами (тяжелый труд на станциях, унижения и издевательства), сломанная жизнь, ненависть к Японии в настоящем и жажда справедливости (требование извинений и компенсаций). Женщины, которые соответствовали канону, стали опорой Корейского совета и живым доказательством того, что организация делает все правильно и ее борьба имеет смысл. Но женщины, которые больше не хотели бороться, которые были готовы простить японцев и принять их деньги, делали существование НКО бесполезным, а также подавали другим жертвам «негативный пример», что старость можно дожить спокойно и уйти с миром, не держа ни на кого зла. По этой причине поддерживать «неправильных бабушек» стало попросту невыгодно, как и давать их голосам право на существование в общем нарративе. Учитывая колоссальное влияние Совета в обществе, а также выступающих на его стороне активистов и СМИ, можно сказать, что во многом их усилиями в корейском обществе сложилась достаточно непримирим-

¹ Мусинова И.А., Гракова Ю.В. Указ соч.

² C. Sarah Soh. Japan's Responsibility Toward Comfort Women Survivors. // Institute for Korean-American Studies, Inc. 2001. URL: <https://www.icasinc.org/2001/20011/20011css.html> (accessed: 15.05.2025).

³ Асмолов, К. Кто наживается на проблеме «женщин для утешения»? // New Eastern Outlook. 25.05.2020. URL: <https://journal-neo.su/ru/2020/05/25/kto-nazhivaetsya-na-probleme-zhe-nshhin-dlya-utesheniya/> (дата обращения: 11.05.2025).

мая среда, которая привыкла агрессивно реагировать на любые несогласия с официальным нарративом. Причем эта реакция распространяется и на самих *вианбу*, которые, в случае их несогласия с деятельностью Совета, воспринимаются как предательницы.

Из-за подобной бескомпромиссности репутация Корейского совета со временем ухудшилась, но самый большой удар по ней был нанесен весной 2020 г., когда 92-летняя *вианбу* Ли Ён Су заявила, что Совет и его лидер Юн Ми Хян, на тот момент являвшаяся депутатом парламента от правящей партии, не предпринимали искренних усилий, чтобы добиться от японского правительства официальных извинений и компенсаций, а также незаконно присваивали пожертвованные женщинам деньги, которые Юн, в частности, тратила на учебу дочери в США. Выяснилось также, что в процессе ознакомления бабушек с соглашением 2015 г. Юн не говорила им о компенсации в размере 1 млрд иен (9,3 млн долл.), которую согласился выплатить Токио, а тем женщинам, которые все же узнали о выплатах, лично звонила и просила не брать японских денег, обещая, что скоро Совет сам всем заплатит¹. Затем стала известна еще одна ситуация, связанная с загородным домом под названием «Дом мира и исцеления», который Совет купил в 2013 г. с пожертвований от Hyundai Heavy Industries с целью обеспечить жильем выживших жертв. Однако на самом деле им никогда не предоставлялась возможность жить в лечебном центре, зато в качестве управляющего недвижимостью за ежемесячную плату в размере 1,3 млн вон там жил отец Юн Ми Хян. В свое оправдание она сказала лишь, что назначение отца на эту должность «было необдуманным выбором». Эти два случая — одни из немногих скандалов, связанных с деятельностью правозащитников. Были и другие: например, когда общественность узнала, что в Доме совместного проживания бабушкам приходилось самостоятельно оплачивать свои медицинские расходы и покупать все необходимое².

Эти скандалы закономерно негативно повлияли на репутацию Корейского совета и всего правозащитного движения, однако досталось не только им, но и Ли Ён Су, которая внезапно стала объектом интернет-травли. Ее обвиняли в зависти и желании занять место Юн в парламенте³. В онлайн-сообществах стали появляться личные оскорбления в адрес Ли, такие как «старуха впала в маразм» и «у нее деменция». Профессор У Хи Джон из Сеульского национального университета в радиоэфире заявил: «Некоторые воспоминания Ли, похоже, искажены», тем самым намекая на необходимость проверки ее слов. Режиссер Пён Ён Чжу написал в соцсетях: «Пожилые женщины легко меняют свои рассказы и мнения»⁴. Сложилась удивительная ситуация: казалось бы, общество должно было

¹ Асмолов, К. Бизнес на бабушках, или как «правозащитники» наживаются на трагедии «женщин для утешения» // New Eastern Outlook. 16.06.2020. URL: <https://journal-neo.su/ru/2020/06/16/biznes-na-babushkah-ili-kak-pravozashhitniki-nazhivayutsya-na-tragedii-zhenshhin-dlya-utesheniya/> (дата обращения: 26.05.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ 'Comfort woman' survivor suffers personal insults // TheKoreaTimes. 31.05.2020. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/politics/20200531/comfort-woman-survivor-suffers-personal-insults> (accessed: 26.05.2025).

встать на сторону «женщины для утешения», ведь все эти годы Совет только и занимался тем, что создавал вокруг них образ безмолвных и страдающих жертв. Однако стоило одной из них публично выступить против Совета, как она неожиданно стала врагом. Эта ситуация красноречиво свидетельствует о том, кто на самом деле контролирует повестку, связанную с «женщинами для утешения»: даже голос самих жертв оказывается маргинализированным, если он противоречит устоявшейся и охраняемой позиции правозащитного сообщества.

Примечательно, что на защиту Ли Ён Су встала не кто иная, как Пак Ю Ха, которую ранее возмущенные активистки, в том числе и сама Ли, хотели посадить за решетку. Пак сказала: «Это решение, вероятно, далось Ли с большим трудом — провести пресс-конференцию и открыто выразить свою критику. Люди не должны давить на нее»¹.

Важно сказать, что сегодня южнокорейское общество воспринимает проблему «женщин для утешения» крайне болезненно. За более чем три десятилетия ее активного обсуждения образ *вианбу* был глубоко осмыслен, прочно укоренившись в национальном сознании. Эта рефлексия нашла свое отражение в школьных учебниках, художественной литературе, кино, музыке и других формах культурного выражения. Сейчас образ «женщин для утешения» — это многослойный, политизированный и в то же время сакрализированный образ, в котором переплетаются мотивы общенационального страдания, женской боли и политического протеста.

В первую очередь, образ «женщин для утешения» воспринимается как символ колониального угнетения и воплощение национальной жертвы. Их страдания неотделимы от страданий всего корейского народа, который столкнулся с порабощением, унижением и беспощадной эксплуатацией. Сегодня типичный образ бывшей *вианбу* выглядит так: это пожилая женщина, подвергшаяся жестокому насилию в совсем юном возрасте, а потом вынужденная молчать об этом всю свою жизнь. Судьба у нее не сложилась. Она в одиночестве несла это тяжкое бремя долгие годы, чувствовала себя грязной, ничтожной и виноватой. И только сейчас она, одна из немногих жертв, доживших до сегодняшних дней, может наконец рассказать людям правду, добиться справедливости и умереть со спокойной душой. Этот образ очень трогательный и трагичный. Он стал не просто историческим, но и моральным и эмоциональным элементом национальной идентичности. Он прочно закрепился в школьной программе, в рамках которой подается только одна трактовка событий: девушки насильно похищались японскими солдатами и становились их рабынями в полевых борделях. На страницах книг отсутствуют альтернативные точки зрения, в том числе упоминания, что женщины могли попасть на станции добровольно или через корейских посредников. Это создает у молодежи чувство моральной очевидности вопроса, в котором нет места иным интерпретациям. Так, в учебнике, изданном Donga Publishing, были названы главные ответственные лица, описаны попытки отрицания истории со стороны Японии и изменения ее официальной позиции по данному вопросу. А в учебнике, выпущенном издательством Liber School, пере-

¹ Ibid.

числяются все публичные заявления премьер-министров Японии, искажающие историю «женщин для утешения», а также содержатся дополнительные упражнения, посвященные вопросам принудительной мобилизации девушек¹.

Образ «женщин для утешения» наделялся безупречной нравственной чистотой. Они изображаются как невинные, честные и страдальческие фигуры, наивные и хрупкие, но с сильным внутренним стержнем, ведь ни одна из них никогда не шла на сотрудничество с японцами добровольно. Японский социолог из Токийского университета Тизуко Уэно отмечает, что политические активисты и журналисты даже стали намеренно создавать такой образ, «подгоняя многообразие опыта пострадавших женщин под стереотип “выжившей”, удобный для понимания, но, в свою очередь, вытесняющий другие “отклоняющиеся от нормы” рассказы, составляющие серую зону». Он назвал это «еще одной формой угнетения». Уэно подчеркнул, что даже сами женщины в интервью порой искажают свои рассказы, чтобы соответствовать ожиданиям аудитории. Другими словами, они сами, возможно неосознанно, создают вокруг себя нарратив «образцовой» жертвы — невинной девушки, похищенной силой, попавшей в ад, но выбравшейся оттуда². Кроме того, такой светлый образ с морально-этической точки зрения укрепляет позицию Южной Кореи в исторических спорах с Японией, поскольку здесь образ беззащитных жертв насилия неизбежно противопоставляется образу захватчиков и колонизаторов, который по определению не может обладать такой же моральной силой и правотой.

Сегодня бывшие *вианбу* принимают активное участие в политических акциях и участвуют в судебных процессах. В то же время они часто становятся политическим инструментом, способом заработать дополнительные очки. Ли Ён Су рассказывала: «На протяжении многих лет ко мне приходили политики и кандидаты в президенты, особенно во время избирательных кампаний, и все они обещали мне решить этот вопрос. Однако никто из них не выполнил своего обещания»³. А про Корейский совет она говорила: «Меня обманули и использовали. Пока медведь показывает трюки, люди зарабатывают деньги. Тридцать лет я показываю трюки. А деньги зарабатывают другие люди» [Shin, 2021, 1].

Нельзя отрицать, что образ «женщин для утешения» в каком-то смысле стал застывшим и идеализированным. В общественном сознании он уже полностью сформировался, и попытки пересмотреть или усложнить его порой воспринимаются не просто как неуважение конкретно к жертвам, но как национальное оскорбление, попытка переписать историю, преуменьшить страдания корейского народа и оправдать преступления японцев.

¹ New Korean history textbooks downgrade Rhee from ‘dictator’ to ‘long-term’ ruler // Hankyoreh. 02.09.2024. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/1156551.html (accessed: 15.05.2025).

² Reno, Chizuko. The Place of “Comfort Women” in the Japanese Historical Revisionism. // [sens public]. 28.02.2006. URL: <https://sens-public.org/articles/196/> (accessed: 20.05.2025).

³ ‘Don’t wait until we are all gone’: Former sex slaves demand justice now // TheKoreaTimes. 22.04.2025. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/society/20250422/dont-wait-until-we-are-all-gone-former-sex-slaves-demand-justice-now> (accessed: 15.05.2025).

В корейском обществе к «женщинам для утешения» относятся с теплотой и любовью, их часто по-семейному называют просто бабушками. Корейцы трепетно ухаживают за Статуей мира, приносят к ней цветы, а зимой повязывают на шею бронзовой девушки шарфы. В этом контексте примечательна недавняя история со скандальным американским блогером Джонни Сомали, прославившимся в Интернете своими выходками в странах Азии. Во время посещения Южной Кореи он станцевал вокруг памятника, а потом поцеловал его. В ответ на это бывший корейский военный Ю Даль Гын отыскал блогера на улице и ударил его в лицо прямо на глазах полиции. После случившегося он был задержан и отправлен под следствие по обвинению в нападении, однако не проявил раскаяния, заявив, что выполнял свой гражданский долг. Он сказал: «Я не мог стоять в стороне, когда кто-то оскорблял жертв истории и нашу нацию»¹.

Подводя итог, мы можем сказать, что образ «женщин для утешения» стал одним из ключевых элементов коллективной памяти корейского общества о колониальном прошлом и связанным с ним глубоким чувством несправедливости и боли. Образ *вианбу* очень эмоциональный и болезненный, ведь он олицетворяет незажившую травму корейского общества. Любая попытка поставить его под сомнение или предложить альтернативное прочтение может восприниматься как посягательство не только на честь конкретных женщин, но и на честь всей нации. Учитывая это, перейдем к анализу книги Пак Ю Ха, в которой автор как раз и пытается предложить иное, более глубокое, многогранное и порой противоречивое понимание опыта «женщин для утешения», что вызвало громкий общественный резонанс.

Основные тезисы книги Пак Ю Ха

Пак Ю Ха — профессор факультета международных исследований университета Седжон по специальности «Японская филология». Родилась в Сеуле в 1957 г. После окончания старшей школы вместе с семьей переехала в Японию, где получила степень бакалавра в университете Кэйо по специальности «Японская филология», а также окончила магистратуру и аспирантуру в университете Васэда по специальностям «Литературоведение» и «Японская литература»². Она перевела на корейский язык книгу Ёсио Каратани «Истоки современной японской литературы», а также произведения таких авторов, как Нацумэ Сосэки, Эйми Ямада и Оэ Кэндзабуро. Стала первой иностранкой, удостоенной премии

¹ South Korean Navy Seal Knocks Out Controversial American Streamer Johnny Somali // Yahoo. 30.09.2024. URL: https://www.yahoo.com/entertainment/south-korean-navy-seal-knocks-053543922.html?guccounter=1&guce_referrer=aHR0cHM6Ly93d3cuZ29vZ2xlLmNvbS8&guce_referrer_sig=AQAAABFVA2ho5tUr7Y44fJg7BtWXvykE_MaZQi_3xfKbjh8JxeHCYCpDyNWRmCgiO9RNzq5cA9CZY2ULSIchC7JxeDvmFUQPBFZFF1B8gtZwrzcqSkT-EhZ072n_OUVaxfoA3lxioPjIHcK26QHIEmx3eugq3 BiQw0vRaNXJKDdmt6n (accessed: 10.04.2025).

² 박유하 교수 연구실, 세종대학교 (Пак Ю-ха кёсу ёнгусиль, Седжон тхэхакке). [Кабинет преподавателя Пак Ю Ха. Университет Седжон]. URL: <https://home.sejong.ac.kr/~parkyh/> (дата обращения: 15.05.2025). (На кор.)

Осараги Дзиро, присуждаемой авторам художественных произведений и исследований в области гуманитарных наук. Научная деятельность Пак Ю Ха не позволяет говорить о ней как о профессиональном историке. Она не имеет специализированного исторического образования, а основой ее исследований является литература и японская филология. В то же время она обладает богатым научным опытом в области гуманитарных исследований, что позволяет ей анализировать источники и показания жертв и поднимать сложные вопросы исторической памяти и интерпретации прошлого.

В интервью The Diplomat Пак рассказала, как заинтересовалась проблемой *вианбу*: «В конце учебы в аспирантуре в Японии, в начале 1990-х годов, вопрос о “женщинах для утешения” только вышел на повестку дня. Помню, как я работала волонтером-переводчиком на митинге в поддержку бывших *вианбу* в Токио. Тогда я плакала — это было мое первое соприкосновение с этой темой. После возвращения в Корею я продолжала следить за новостями, но не спешила присоединяться к движению за примирение, поскольку оно слишком склонялось к национализму — явлению, которое я много лет критиковала в своих научных работах». С 2001 г., когда между Кореей и Японией обострились споры вокруг школьных учебников, Пак углубилась в исследование темы, в 2005 г. опубликовала книгу «Во имя примирения», а затем писала отдельные статьи в японский онлайн-журнал¹.

Книга Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» была опубликована в Южной Корее в 2013 г. и в Японии в 2014 г. В корейском обществе исследование стало скандальным и вызвало общественный резонанс, Пак обвиняли в предательстве и клевете. В то же время в Японии книга была принята положительно. Профессор Такэси Накадзима в интервью с Пак подчеркнул: «Некоторые утверждают, что книга оправдывает японский империализм, но это совершенно не так. Я воспринимаю ее как резкое обвинение японского империализма»². Парадоксально, что книга с подобным содержанием — направленным, казалось бы, на защиту «женщин для утешения» и разоблачение имперского насилия, — в Японии получила преимущественно позитивные отзывы, в то время как в Корее обернулась скандалом. Во многом это объясняется тем, что исследование Пак Ю Ха нельзя отнести к какому-либо лагерю: оно хоть и опирается на феминистскую и постколониальную повестку, но при этом нарушает привычные рамки национального нарратива. С японской точки зрения это выглядит справедливо и объективно, поскольку с 1990-х годов позиция корейских правозащитников была слишком жесткой, негибкой, не склонной к каким-либо компромиссам, и на фоне этого книга Пак кажется шагом вперед в решении исторического вопроса. В то же время корейское общество не привыкло к альтернативным мнениям по проблеме *вианбу*, и любое отступление от общепринятого нарратива воспринимается им как кощунство.

¹ Park Yuha Speaks out on Her Battle Against Censorship.

² Park Yuha and Takeshi Nakajima talk on ‘Comfort Women’ issue // 박유하 제국의 위안부, 법정에서 광장으로 («“Женщины для утешения” Японской империи Пак Ю Ха, от суда до общественной дискуссии»). 26.09.2016. URL: <https://parkyuha.org/archives/5404> (accessed: 15.05.2025). (На кор.)

В своей книге Пак Ю Ха дистанцировалась от общепринятого представления о *вианбу* исключительно как о невинных жертвах японской агрессии, заявив, что такое восприятие слишком упрощает их опыт и сводит его к одному единственному стереотипу, который не всегда соответствует исторической реальности. По ее словам, образ *вианбу* стал слишком идеализированным. Общество представляет их как героинь и «дочерей нации», как символ колониального унижения и порабощения и вместе с тем — как символ сопротивления японцам и борьбы за независимость Кореи. Автор считает, что такой образ имеет право на существование, однако он заполонил собой весь нарратив о *вианбу*, и общество стало забывать, что они в первую очередь были обычными женщинами со своими характерами, устремлениями, мотивами и со своими сложными и порой противоречивыми судьбами. Тот факт, что все они столкнулись со схожим травмирующим опытом, не означает, что все они были одинаковыми.

По мнению Пак, возведение единственно верного образа *вианбу* в культ не только искажает историческую правду, но и наносит вред самим женщинам, ведь если чья-либо история оказывается слишком неоднозначной или «неудобной» для коллективной памяти, то она просто отбрасывается как неуместная и недостойная внимания. Однако, считает автор, история каждой женщины должна быть услышанной, даже если она не соответствует каноничному нарративу.

Пак заявила, что проблема «женщин для утешения» — это не просто проблема насилия, а сложный социальный вопрос, требующий понимания более широкого контекста, а также учета целого разнообразия факторов. Их образ гораздо более сложен и неоднозначен, и только приняв это, корейское общество сможет исцелить свои исторические травмы и встать на путь примирения с Японией.

Рассмотрим тезисы из книги Пак Ю Ха подробнее. *Во-первых*, она утверждает, что женщины не всегда рекрутировались японской армией насильственно. Случаи изнасилований и жестокого обращения с ними действительно были, но это были, скорее, «перегибы на местах», поскольку официальная политика запрещала подобные действия [Park, 2025, xiii].

Во-вторых, по словам жертв, лишь немногих из них забирали японцы. Часто девушек уговаривали покинуть дом либо их собственные семьи, либо их вербовали корейские посредники. По мнению Пак, этот факт часто игнорируется корейским обществом, которое не готово признать, что в трагических судьбах девушек немалую роль сыграли их соотечественники. Она пишет: «Я считаю, что патриархальная семейная система Кореи должна быть признана еще одним фактором трагедии “женщин для утешения”. Как в Японии, так и в Корее было обычным делом продавать девушек из бедных семей, чтобы уменьшить количество ртов, которые нужно кормить. В таких условиях многие молодые женщины считали такую жертву ради семьи совершенно естественным поступком и покидали свои дома по собственной воле» [Park, 2025, xiii]. В то же время, по ее словам, в большинстве случаев девушек из родных деревень забирали именно посредники, они же зачастую и были владельцами или управляющими «станций утешения». По свидетельствам жертв, «посредники были с ними жестоки: они давали девушкам пощечины и избивали их железными прутьями, если подозревали в плохом обслуживании клиентов» [Park, 2025, 5].

Пак отмечает, что с целью получения выгоды девушек обманывали и простые корейцы, которые не имели отношения к японской колониальной администрации. Она приводит статьи из Maeil Sinbo с такими заголовками: «Ужасающие обвинения против чудовишной пары похитителей, которые обманом заманивали несчастных девочек, 150 из них стали жертвами» (7 марта 1939 г.); «“Найдем тебе работу”, — заманчивые слова, но по прибытии это оказывается бордель. “Сначала постирай, потом накрасься”» (14 марта 1939 г.); «Сразу четверо преступников, похищавших деревенских девушек, арестованы и находятся под следствием в полицейском участке Суводна» (30 апреля 1939 г.) [Park, 2025, 7]. Подобные истории женщины вспоминали и в 1990-х. Одна из них рассказывала: «Как-то раз, после того как я уложила ребенка спать, ко мне зашли кореец и японец. Они были в западных костюмах и выглядели молодо. Они спросили: “Сколько ты зарабатываешь в Кванджу?” Я ответила: “Мне не платят, но семья кормит меня и покупает одежду”. Тогда они сказали: “Вот же воры — эти корейцы, да?” И предложили: “Поехали с нами в Осаку, там можно заработать кучу денег”. Я поверила их рассказам о деньгах и пошла с ними, не спрашивая, какая это будет работа» [Park, 2025, 7]. Пак считает несправедливым, что в доминирующем нарративе ни роль патриархата, ни роль посредников, ни роль простых граждан в порабощении девушек либо вовсе не упоминается, либо затрагивается лишь мимоходом.

В-третьих, Пак убеждена, что роль «женщин для утешения» слишком упрощается, типизируется и сводится к одному единственному стереотипу, который не подлежит оспариванию и пересмотру. Но в то же время, считает автор, представление о *вианбу* не должно ограничиваться лишь образом сексуальной рабыни, тем более что не все из них были рабынями в прямом смысле этого слова. Некоторые из них оказывались на станциях по своей воле, кому-то даже платили зарплату. Профессор добавляет: «Более того, понятие “сексуальная рабыня” затмевает собой любой опыт и память о том, что выходит за пределы сексуального насилия. Да, “женщины для утешения” были жертвами в широком смысле, но если сосредоточиться только на этом, то можно упустить другие аспекты их истории. Это означает не признать всю полноту их положения. Кроме того, это лишает “женщин для утешения” права быть хозяйками собственной памяти. Заставлять их помнить только то, что хочет кто-то другой, — это форма насильственного подчинения» [Park, 2025, 81].

Пак выступает и против того, чтобы *вианбу* представляли только как чистых и невинных жертв. В этом контексте она критикует ставшую сакральной для корейцев Статую мира, установленную напротив японского посольства в Сеуле в 2011 г. Мемориал изображает «женщину для утешения» — такую, какой ее привыкло видеть общество, — и именно в этом, по мнению автора, заключается проблема: памятник увековечивает образ, который имеет мало общего с реальностью. Она пишет: «Хотя этот монумент изображает “женщину для утешения”, принужденную к сексуальной работе, внешне он представляет невинную молодую девушку, лишенную каких-либо сексуальных коннотаций. Иначе говоря, статуя у посольства — это не образ реальной “женщины для утешения” после всего пережитого, а девушки, которой еще только предстоит это пережить. И если учитывать данные, согласно которым средний возраст *вианбу* составлял

двадцать пять лет, то эта статуя отражает не подавляющее большинство “женщин для утешения”, а лишь небольшое число несовершеннолетних девушек, ставших таковыми» [Park, 2025, 88]. Пак критикует и внешний вид девушки: «Ее прическа придает ей вид аккуратной благовоспитанной школьницы, хотя такой образ далек от реальности. Более того, аккуратность и чистота девушки символизируют, что она девственница, еще не оскверненная. То, что она босая, заставляет нас подумать, будто ее схватили внезапно, не оставив времени на подготовку. Ее поза — взгляд, устремленный на японское посольство, сжатые кулаки, исполненные решимости глаза — также выражает ярость от того, что ее забрали силой. Она изображена как человек, который сопротивляется» [Park, 2025, 88].

Пак Ю Ха продолжает: «Статуя девушки воплощает идеальный образ идентичности, которую корейцы стремятся проецировать на самих себя. Тот факт, что девушка одета в корейский национальный костюм (*чхима* и *чогори*), означает, что “женщин для утешения” пытаются представить теми, кем они “должны” быть — “дочерьми нации»» [Park, 2025, 88]. По мнению автора, традиционный наряд делает образ девушки с памятника поразительно похожим на Ю Гван Сун — участницу движения за независимость Кореи, арестованную и убитую в сентябре 1920 г. [Park, 2025, 89] Иначе говоря, в этом памятнике образ борца за свободу и «женщины для утешения» сплелся воедино, представив собой нечто усредненное, призванное пробудить в людях патриотические чувства. Но при этом, отмечает Пак, в памятнике «нет ни намек на то, что корейских женщин заставляли носить японскую одежду и брать японские имена» [Park, 2025, 89]. Иными словами, из образа девушки, как и из образа всех «женщин для утешения», намеренно стерто все, что связывало их с Японией — от внешних признаков, таких как японские имена, костюмы и прически, до более глубоких аспектов, включая чувства к самим японцам, не всегда ограничивающиеся ненавистью и страхом. Пак подчеркивает: «Здесь нет места для тех, кто влюблялся в японских солдат и даже вступал с ними в брак. Здесь не найти и образа тех корейнок, которые были последними гражданскими, провожавшими японских солдат на смерть, сочувствуя им» [Park, 2025, 89]. Она задается вопросом: «Бесконечный поток людей, приносящих к памятнику девушки зонты в дождь, шарфы и носки в снег, чтобы защитить ее от непогоды, свидетельствует о том, что она стала святыней для корейского народа. Но если бы те же самые люди узнали, что она носила японское кимоно, взяла себе японское имя и сотрудничала с японской армией, не стали бы они осуждать ее?» [Park, 2025, 89] По ее словам, между «женщинами для утешения» и японцами намеренно выстраивается антагонизм, ведь тот факт, что глаза расположенной напротив японского посольства Статуи мира полны ненависти, прямо говорит о том, против кого эта ненависть направлена. Но автор задается вопросом, могла ли в действительности девушка ненавидеть не японцев, а, например, свою семью, отдавшую ее на растерзание, или же на корейского посредника, забравшего ее из родной деревни? По мнению Пак, «возможность того, что ярость девушки направлена на кого-то другого, полностью исключена» [Park, 2025, 88].

В книге звучит и критика Дома совместного проживания (House of Sharing, 나눔의 집) — приюта для бывших *вианбу*, призванного предоставить женщинам

жилье, уход и медицинскую помощь¹. Пак написала: «Одна из бывших “женщин для утешения”, которая живет одна со своей собакой примерно в 100 метрах от Дома совместного проживания, сказала мне, что она ненавидит этот дом. Затем она рассказала свою историю о том, как она из-за какого-то недоразумения рассталась с японским солдатом, которого любила много лет назад. Вероятно, этой женщине не нравилось в Доме совместного проживания потому, что там не принимали воспоминания о любви. Это место, которое нуждается только в воспоминаниях о насилии» [Park, 2025, 82].

Пак также говорит о том, что не все ныне живущие *вианбу* хотят участвовать в общественном движении за свои права и ассоциировать себя с его идеологией. Многие из бывших «женщин для утешения» действительно до сих пор ненавидят японцев и стремятся к исторической справедливости, но есть и те, кто больше не хочет бороться — им достаточно того, что они уже получили. Они приняли японские извинения и компенсации и не требуют большего. Так, скончавшаяся в 2016 г. Пак Сук И неоднократно заверяла: «Япония извинилась, и моя обида рассеялась»². Некоторое из них боролись, но со временем устали от этой борьбы, как, например, Ли Ок Сон, которой в 2021 г. был 91 год и которая к тому моменту уже много лет была прикована к постели. Она сказала: «Я просто хочу пожить спокойно хотя бы один день»³. Однако тихие голоса этих женщин тонут в общем потоке требований молодых активистов, настаивающих на полном покаянии Японии. Проблема этого движения состоит в том, что в какой-то момент оно сосредоточилось не на заботе о выживших, а на возмездии и требовании от Японии все новых и новых уступок. Оно собственноручно превращает проблему «женщин для утешения» в острый политический вопрос и дело принципа, в рамках которого сами жертвы парадоксальным образом оказываются забыты.

В этом Пак винит Корейский совет, который, по ее мнению, также несет ответственность за то, что за последние 20 лет вокруг Японии сложился образ «бессовестной страны, не достойной доверия» [Park, 2025, 103]. По ее словам, Совет сделал проблему *вианбу* вопросом не столько исторической правды, сколько национальной гордости. Организация, призванная говорить от лица «всех, кто был там», на самом деле представляет лишь тех женщин, чьи взгляды совпадают с официальной позицией движения за права *вианбу*. Так, сегодня многие жертвы, получившие компенсации от Японии, не могут открыто признаться в этом, поскольку таким образом они пошли против официальной линии Совета, а значит были автоматически исключены из движения [Park, 2025, 97]. В то же время Пак считает, что женщины вовсе не обязаны участвовать в политике, и никто не вправе заставлять их это делать. Но, по ее мнению, Корейский совет принуждает

¹ House of Sharing. URL: <http://www.nanum.org/eng/sub1/sub1.php> (accessed: 15.05.2025).

² <인터뷰> '위안부 합의 1년' 강은희 여가부 장관 (<Интхёбю> 'Вианбу хаби 1-нён' Кан Ын-хи Ёгабу чан-гван). [<Интервью> «Год спустя после соглашения по вопросу “женщин для утешения”: Кын Ын Хи, министр по вопросам гендерного равенства и семей] // Yonhap. 26.12.2016. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20161225042500005> (дата обращения: 16.05.2025). (На кор.)

³ South Korea's few surviving 'comfort women' face life's end as political fight rages on // Reuters. 02.07.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skoreas-few-surviving-comfort-women-face-lifes-end-political-fight-rages-2021-07-02/> (accessed: 16.05.2025).

жертв к политической активности. Автор пишет об одной «женщине для утешения», которая обратилась в суд с требованием, чтобы Совет прекратил заставлять ее участвовать в еженедельных протестах перед японским посольством. В 2008 г. она умерла, оставив одной интернет-газете завещание, в котором критиковала Совет и призналась, что ненавидит его [Park, 2025, 98]. Пак отмечает: «Вместо того, чтобы воспринимать вианбу как реальных людей, южнокорейское общество и организации поддержки используют их с целью создать образ гордой и независимой Кореи и найти в этом образе собственную идентичность. Можно сказать, что стремление к этому — закономерный результат колониального прошлого. Однако утверждение собственной гордости и культивирование ненависти к другим — это не одно и то же. Это никогда не поможет корейцам преодолеть последствия колонизации» [Park, 2025, 98].

Пак критикует Совет и за то, что он указывает женщинам, о чем они должны говорить. Из-за этого общество со временем привыкло только к одному типу историй, перестав воспринимать другие точки зрения на события. В массовом сознании образ «женщин для утешения» настолько заострен, что окружающим уже стало безразлично, что на самом деле пережили жертвы. Люди хотят услышать от них предсказуемую драматичную историю о насилии, боли и унижении, словно речь идет о любимой всеми «страшилке», а не о жизни реальных людей. Так, Пак привела в пример историю одной из бывших *вианбу*, которая работала проституткой на американской военной базе. Во время семинара в США, посвященного улучшению жизни женщин при базах и помощи детям от смешанных браков, она почувствовала, что ее рассказ интерпретируется иначе, чем она сама его воспринимает: «Жизнь без надежды. Люди, которые ни разу не видели, чтобы их мечты сбывались. Это были мы. Поэтому я хотела рассказать историю женщины, которая вынесла все это и смогла подняться. <...> Я хотела рассказать о возможности, которая дала мне шанс измениться. Я хотела рассказать о силе моей веры, на которую я могла опереться. Но организаторы хотели, чтобы я говорила о том, как тяжело было работать проституткой для американцев, как я хотела покончить с собой. И они надеялись, что обсуждение будет больше сосредоточено на военной политике» [Park, 2025, 98].

В связи с этим Пак отмечает, что в рассказах бывших *вианбу* порой встречаются несостыковки, когда они сначала говорят одно, а потом другое. В качестве примера она приводит рассказ одной из женщин о том, как ее забрали из родной деревни. Сначала это сделал мужчина, который приманил ее красным платьем и кожаными туфлями. Затем ее из собственного дома забрали японские солдаты, а после они и вовсе подвергли ее пыткам за отказ поехать с ними на Тайвань в часть камикадзе [Park, 2025, 92]. По словам автора, эти истории являются не сознательной ложью, а искренней попыткой женщин соответствовать ожиданиям слушателей. Она отмечает: «Люди, которые приходят послушать свидетельства женщин, заранее знают, что с теми произошло. Они приходят за историями о молодых девушках, которых забрала японская армия. Можно сказать, что женщины просто реагируют на возложенные на них ожидания. Организаторы подобных мероприятий подсознательно надеются, что свидетельства будут все более жестокими и ужасными. Чем более страшной будет история жертвы, тем

сильнее будет гнев корейцев по отношению к Японии и тем острее сочувствующие японцы будут осознавать необходимость извиниться перед Южной Кореей» [Park, 2025, 92].

Наконец, автор задается вопросом, в какой степени японское правительство ответственно за военные преступления. Основные требования Корейского совета к Японии заключаются в признании юридической ответственности за насилие и выплате компенсаций. Однако Пак считает, что пока эта система не была запрещена на государственном уровне, не существует и правовой основы для ее судебного преследования. И хотя существовали нормативные положения, запрещающие физическое насилие, подтвердить, что приказы и исполнение принудительной транспортировки женщин исходили от военной структуры и руководства, невозможно. Пак отмечает еще несколько спорных моментов. *Во-первых*, если будет решаться вопрос об ответственности отдельных лиц, то ее должны также нести корейские посредники и патриархальные семьи, из-за которых многие женщины становились проститутками. *Во-вторых*, корейские солдаты в составе японской армии тоже пользовались услугами *вианбу*, значит нужно судить и их. *В-третьих*, если считается, что «женщины для утешения» работали на японцев вынужденно, то по той же логике нужно признать, что 100 тысяч корейцев, служивших в японской армии, тоже пошли туда вследствие принуждения. Однако в официальном корейском нарративе они считаются коллаборационистами, а *вианбу* — жертвами [Park, 2025, 102]. И это лишь одни из немногих противоречий, которые не позволяют Южной Корее возложить всю вину на Японию. Или если уж требовать от японцев признания юридической ответственности, то нужно признать и собственные ошибки.

Конфликт интерпретаций

Перед публикацией книги Пак Ю Ха боялась реакции общества, ведь ее исследование бросило вызов общему представлению о сексуальных рабнях военного времени. Но, как пишет The New York Times, «даже она не была готова к такой бурной реакции»¹. Бывшие *вианбу* обвинили ее в клевете, назвав «апологетом военных преступлений» и «прояпонской предательницей», а 87-летняя Ю Хи Нам, размахивая тростью во время пресс-конференции, сказала: «Я хочу, чтобы ее выслали из страны»².

В июне 2014 г. Пак были вручены три отдельных иска от Ан Син Гвона, бывшего директора Дома совместного проживания; Чхве Бон Тэ, адвоката бывшей *вианбу* Ли Ён Су, и адвоката Пак Сон А. Пак, возглавлявшая на тот момент юридическую клинику при университете Ханьян, собрала команду из студентов-юристов, чтобы выявить «недочеты» в книге Пак Ю Ха. Они нашли 109 таких пунктов и составили доклад, который в итоге был представлен в суде в каче-

¹ Disputing Korean Narrative on 'Comfort Women', a Professor Draws Fierce Backlash // The New York Times. 18.12.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/12/19/world/asia/south-korea-comfort-women-park-yu-ha.html> (accessed: 16.05.2025).

² Ibid.

стве доказательства в попытке запретить публикацию книги. В то же время в ноябре 2014 г. вышел японский перевод книги, который был хорошо принят в Японии и получил две награды — одну от газеты Mainichi Shimbun, другую — от университета Васэда¹.

Примирительные слушания начались весной 2015 г. Истцы требовали, чтобы корейское издание книги было снято с продажи, а японское — переиздано с цензурой в 35 местах, от чего Пак Ю Ха отказалась. Когда переговоры окончательно провалились, в ноябре 2015 г. против нее было выдвинуто обвинение². Истцами в суде выступали девять «женщин для утешения», от лица которых были поданы иски. На тот момент они жили в Доме совместного проживания. Женщины утверждали, что подверглись эмоциональным страданиям из-за их унижительного изображения в книге как «добровольных проституток», а также утверждения, будто бы между ними и японскими солдатами во время войны сложились «товарищеские отношения»³. В 2016 г. Восточный окружной суд Сеула вынес решение в их пользу, обязав Пак выплатить 90 млн вон в качестве компенсации девяти жертвам, а также признал, что ее книга причинила женщинам глубокую боль⁴. Суд постановил, что Пак опорочила жертв, изобразив их в унижительном свете с использованием ложных фактов, а также отклонил доводы Пак о том, что ее работа как академическое исследование должна быть защищена от уголовного преследования. В суде заявили, что, «учитывая тот факт, что жертвы все еще живы, ее право на академическую свободу не отменяет права жертв на защиту чести и достоинства»⁵.

Судебный процесс над Пак Ю Ха продлился до конца 2023 г., сменяясь обвинительными и оправдательными приговорами. 20 декабря 2016 г. прокуратура выдвинула запрос на трехлетнее тюремное заключение Пак, заявив, что она «не выразила ни капли раскаяния за свое преднамеренное искажение исторических фактов»⁶. На заседании выступили бывшие *вианбу*, в том числе 89-летняя Ли Ён Су, которая сказала: «Книга Пак Ю Ха полна абсурда. Как такой профессор вообще может учить студентов? Накажите ее строго. Я чувствую себя глубоко униженной». В то же время адвокат Пак заявила: «Профессор в своей книге прямо признает, что “женщины для утешения” были насильственно мобилизованы в качестве сексуальных рабынь. Нельзя вырывать отдельные фразы из текста и на основании этого обвинять человека в клевете». Сама Пак Ю Ха отметила: «По-

¹ Park Yu-ha Speaks out on Her Battle Against Censorship // The Diplomat. 03.05.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/park-yu-ha-speaks-out-on-her-battle-against-censorship/> (accessed: 15.05.2025).

² Ibid.

³ Prosecutors seek three years in prison for professor who wrote about comfort women // Hankyoreh. 19.10.2019. URL: https://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_national/775564.html (accessed: 15.05.2025).

⁴ Author ordered to compensate comfort women. The KoreaTimes. 13.01.2016. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/southkorea/20160113/author-ordered-to-compensate-comfort-women> (accessed: 16.05.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Prosecutors seek three years in prison for professor who wrote about comfort women.

койная *вианбу* Пэ Чун Хи говорила, что ее не забирали силой, и что она хотела простить Японию, но не могла сказать об этом вслух. Я пыталась с помощью книги донести эти забытые голоса. <...> Я не считаю, что только мои слова отражают истину. Я просто хочу сказать, что мы должны выслушать все, что говорят те, кто пережил это. И если их взгляды отличаются, то это повод нам всем задуматься. <...> Я ни разу в книге не отрицала, что женщин забирали силой. Их жизнь была ужасна. Я просто хотела скорректировать представление о том, что все сводилось исключительно к насильственному захвату»¹.

В ходе этого заседания Восточный окружной суд Сеула признал Пак невиновной, заявив, что академическая свобода является гарантированным Конституцией правом². Однако в 2017 г. Апелляционный суд Сеула отменил это решение и признал ее виновной в клевете, назначив штраф в размере 10 млн вон. В октябре 2023 г. Верховный суд Южной Кореи отменил это решение и вынес Пак Ю Ха оправдательный приговор.

Книга вызвала ожесточенную полемику в корейском обществе, несмотря на то что была продана тиражом всего в несколько тысяч экземпляров. Ее случай показал, насколько сложно стало в Южной Корее оспаривать общепринятое мнение о «женщинах для утешения». В то же время были и те, кто поддержал Пак. В 2015 г. более пятидесяти интеллектуалов из Японии и США выступили с заявлением, в котором критиковали южнокорейских прокуроров за «подавление свободы науки и прессы». Среди них был и бывший генеральный секретарь кабинета министров Японии Ёхэй Коно, который в 1993 г. принес знаменательные извинения, признав, что японцы действительно занимались насильственной вербовкой женщин³. В заявлении было сказано, что книга Пак Ю Ха является «отличной попыткой преодолеть односторонние взгляды на проблему вианбу и найти путь к подлинному решению этого сложного вопроса через всестороннее понимание его многоаспектной природы». В нем также говорилось следующее: «Мы уже ранее были обеспокоены тем, что эта книга стала предметом гражданского судебного иска по обвинению в клевете, но теперь мы еще более потрясены уголовным преследованием, в котором государственная власть в лице прокуратуры пытается ограничить академическую свободу и свободу слова, исходя из определенного взгляда на историю. Вопросы о том, что считать фактами и как интерпретировать историю, должны быть предметом академической свободы. За исключением работ, содержащих факты дискриминации или подстрекательство к насилию, любые спорные высказывания должны обсуждаться в рамках дискуссии, а не подвергаться уголовному наказанию. <...> Мы также обеспокоены тем, что это обвинение может заблокировать любые попытки разрешить вопрос “женщин для утешения”, необоснованно спровоцировав общественные настроения в обеих странах именно тогда, когда Корея и Япония близки к тому, чтобы найти решение столь затянувшегося вопроса. Мы горячо надеемся на формиро-

¹ Ibid.

² South Korean scholar acquitted of defaming wartime sex slave victims // Yonhap. 25.01.2025. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20170125012100315> (accessed: 15.05.2025).

³ Ibid.

вание здравого мнения в широких слоях корейского общества, выступающего против этого обвинения»¹.

Пак поддержали и 190 южнокорейских ученых и деятелей культуры, заявив, что обвинения в ее сторону являются «анахроничной попыткой удержать общественное мнение о “женщинах для утешения” под контролем государства»². В ответ на это 380 ученых и активистов из Южной Кореи, Японии и других стран заявили, что за разговорами об академической свободе они упускают самое главное, а именно — необходимость Японии официально признать ответственность за военные преступления. В их заявлении утверждалось, что государственные органы Японии, как и ее военные, были замешаны в «отвратительном преступлении» по принуждению десятков тысяч женщин к сексуальному рабству, причем эту точку зрения разделили и два специальных докладчика ООН в 1990-х годах³.

Получив оправдательный приговор, Пак отметила, что свобода мысли в Южной Корее все же гарантируется. Она подчеркнула, что все это время вела борьбу не с «женщинами для утешения», а с людьми, которые их окружали. По ее словам, активисты во многом использовали тему насильственного похищения женщин в своих собственных интересах⁴.

Корейское общество до сих пор не пришло к единому мнению насчет книги Пак Ю Ха: одни считают ее исследование разоблачением не совсем верного образа «женщин для утешения», а другие воспринимают его как оскорбление памяти. Чтобы разобраться, в чем заключается конфликт между позицией Пак и нарративом о *вианбу*, проанализируем понятие исторической памяти.

Историческая память — это социокультурная конструкция, которая предполагает не столько фиксирование информации о прошлом, сколько его осмысление и символическую репрезентацию. Историческая память апеллирует преимущественно образами, т. е. переработанной информацией, носит субъективный характер и может изменяться с течением времени под воздействием различных факторов. Память — это не аутентичное прошлое само по себе, а только одна из его версий, принятая обществом. Ей свойственно не рациональное, а эмоциональное восприятие прошлого. Она склонна разделять события на хорошие и плохие, давая им положительные и отрицательные оценки, что принципиально отличается от исторической науки⁵, которая должна быть объективна и непредвзята. Историческая память отличается избирательностью и преувеличением значимости отдельных исторических событий при полном или частичном игнорировании других. В этом проявляется и ее актуализированность, поскольку она

¹ Statement against the Indictment of Professor Park Yu-ha, 26th November, 2015. URL: <https://ptkks.parkyuha.org/en/> (accessed: 15.05.2025).

² Disputing Korean Narrative on ‘Comfort Women’, a Professor Draws Fierce Backlash.

³ Ibid.

⁴ Park Yuha Acquitted, Wins a Crucial Victory for Academic Freedom // Japan Forward. 01.09.2023. URL: <https://japan-forward.com/park-yuha-acquitted-wins-a-crucial-victory-for-academic-freedom/> (accessed: 27.05.2025).

⁵ Бадмаев В.Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnost-i-istoricheskaya-pamyat-1/viewer> (дата обращения: 10.04.2025)

выводит на первый план те события прошлого, которые призваны отвечать на текущие вызовы и проблемы. Память — это основа, ментальное ядро общественного сознания, которое обеспечивает возможность самоидентификации как отдельной личности, так и всего общества в целом¹. Историческая память неразрывно связана с формированием национального самосознания, поэтому она необходима для определения границ сообщества и складывания представления о себе на контрасте с другими.

История «женщин для утешения» — это важная часть национальной памяти корейцев о войне и японском колониализме, и потому нормально, что в обществе сложилось определенное устоявшееся представление о *вианбу*. Пак критикует их образ за то, что он недостаточно правдив и моментами не соответствует исторической действительности, но по факту он и не должен ему соответствовать. Проблема здесь заключается не в корейском обществе, не в закостенелости образа «женщин для утешения», а в самой сути исторической памяти, которая во всех странах работает одинаково. Она призвана подсвечивать одни исторические эпизоды и игнорировать или утаивать другие. К первым относятся победы, проявления героизма, научно-технические и культурные достижения, а также трагедии, память о которых закономерно выстраивается вокруг образа жертв, разрушений и страданий. Ко вторым относятся собственные преступления, коллаборационизм, военные неудачи и т. п.

В южнокорейской исторической памяти о колониализме и войне действительно делается большой акцент на страданиях народа, в то время как действия посредников, преступников и коллаборационистов остаются в тени. И это естественно. Официальная пропаганда и не должна концентрироваться на позорных и неоднозначных страницах истории. К таковым относится и возникновение товарищеских отношений между корейками и японскими солдатами, и возможная любовь между ними. Для страны, которая помнит о войне и японских военных преступлениях, культивирование подобной исторической памяти было бы странным. Другое дело — воспринимать «женщин для утешения» как мучениц. И пусть этот образ может быть не совсем исторически верным, но он точно гораздо более логичный и естественный для Кореи, которая усилиями японцев лишилась независимости на долгие 35 лет и была втянута в кровопролитную войну.

Именно поэтому книга Пак Ю Ха, затронувшая такую важную и болезненную тему, была воспринята обществом в штыки. И хотя автор пытается сгладить углы, признав, что инициатором вербовки женщин в любом случае были японцы и что они часто были жестоки к девушкам, это стремление быть объективной не спасло ее от последующего скандала. Самой своей книгой Пак посягнула на святое, попытавшись развенчать миф, на котором строится корейская национальная идентичность.

В конце концов, возникает вопрос: действительно ли книга Пак Ю Ха была необходима корейскому обществу? Насколько общество вообще способно «от-

¹ Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). URL: <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589/1462> (дата обращения: 28.03.2022). С. 244.

крыть глаза на историческую правду», когда условия для этого еще не сложились?

Одной из целей своей книги Пак поставила побудить корейское общество по-новому взглянуть на прошлое и таким образом встать на путь примирения с Японией. Однако результат оказался противоположным и книга вместо примирения только породила новые конфликты.

В стремлении разоблачить искажения в официальном нарративе о *вианбу* Пак слишком вдаётся в подробности и, порой, будто пытается подменить общее частным. Так, она критикует основанный на реальных событиях рассказ Пак Ван Со «Её дом», в котором японцы закололи штыком девушку, прятавшуюся от них в стоге сена. В рассказе говорится, что лезвие вошло в тело так глубоко, что кишки девушки вывалились наружу, и она умерла на месте. В свою очередь, Пак Ю Ха усомнилась в том, что одним ударом можно нанести человеку такие травмы. Возможно, с точки зрения фактов она права, но разве это означает, что подобных эпизодов быть не могло? Разве японцы не мучили девушек и не убивали их? Подвергая сомнению одну деталь, Пак будто намекает, что многие такие свидетельства или произведения, основанные на реальных событиях, могли быть враньем. Ее критика выглядит как холодный рационализм по отношению к травматическому опыту, который до сих пор является основной национального самоопределения корейского общества. В этом состоит одновременно и ее научная честность, и уязвимость, поскольку она вступает в конфликт не столько с историей, сколько с механизмом памяти, который работает по другим законам.

Заключение

В заключение можно сказать, что скандал вокруг книги Пак Ю Ха «“Женщины для утешения” Японской империи» — это конфликт интерпретаций исторической памяти. Здесь рациональность столкнулась с незажившей травмой, аргументация — с эмоцией, академический подход — с национальным мифом. Пак не отрицала страданий «женщин для утешения», но своим стремлением переосмыслить нарратив, пересмотреть детали и «освободить» голос этих женщин от идеологического диктата она посягнула на то, что уже было канонизировано как священная правда. Возможно, будь тема ее исследования менее болезненной, она бы не вызвала столь бурной реакции. Например, если бы Пак ограничилась критикой в адрес Корейского совета, как это делали многие до нее. Однако в своей книге она высказывает куда более радикальные идеи, которые ставят под сомнение саму основу официального нарратива: в частности возможность добровольного участия женщин в системе «станций утешения» и складывания у них товарищеских отношений с японцами. Подобные вещи могли происходить в действительности, но сегодня разговоры о них воспринимаются как этически неуместные, а также как попытка подменить общую картину частными деталями, которые слишком незначительны по своему масштабу, чтобы пересматривать из-за них весь нарратив. Отметим, что проблема *вианбу* в Южной Корее — это слишком чувствительная и значимая часть национальной памяти, чтобы кто-ли-

бо мог позволить себе радикально пересмотреть ее без риска столкнуться с общественным непринятием и осуждением.

Вместе с тем история «женщин для утешения» остается незавершенной — как в моральном, так и в политическом смысле. Несмотря на десятилетия правозащитной борьбы, международные соглашения и публичные извинения, ни консенсуса, ни окончательного «закрытия» вопроса не произошло. Само определение справедливости в отношении жертв продолжает вызывать споры: что важнее — признание и извинения, финансовая компенсация или право говорить о своем опыте вне рамок национального нарратива? Кроме того, по мере того как непосредственные свидетельницы уходят, на первый план выходит вопрос: кто теперь обладает правом голоса по этой теме — активисты, государственные институты, историки или общественное мнение? Конфликт вокруг книги Пак Ю Ха показывает, что борьба за память может превратиться в борьбу за контроль над интерпретацией, где даже сами жертвы рискуют быть исключенными, если их воспоминания не соответствуют доминирующей позиции. Таким образом, перспектива осмысления проблемы «женщин для утешения» требует новой этики памяти — такой, где сосуществуют боль и анализ, национальное и личное, коллективное признание и индивидуальное свидетельство. Без этого любое переосмысление будет восприниматься как посягательство, а не как попытка лучше понять проблему.

По мнению автора статьи, историческая память должна видоизменяться естественным путем. Любые попытки насильственно пересмотреть сложившийся нарратив, особенно в контексте такой болезненной темы, как «женщины для утешения», неизбежно будут сталкиваться с общественным отторжением. Вместо конструктивного диалога они порождают поляризацию, судебные разбирательства, медийные скандалы и взаимные обвинения, как и произошло в случае с Пак Ю Ха. На наш взгляд, историческая память должна трансформироваться постепенно — в результате поступательного развития общества или под влиянием новых политических, культурных или этических условий. Такой пересмотр требует согласованных усилий различных акторов: государства, академического сообщества, активистов, СМИ и самих граждан. Для этого должно существовать внутреннее общественное согласие на саму возможность переосмысления. В современной Южной Корее таких условий пока нет: общество не готово к резким и болезненным ревизиям прошлого. Книга Пак Ю Ха внесла важный интеллектуальный вклад и может служить материалом для углубленного анализа, однако сегодня ее судьба — быть отверженной обществом как несвоевременное и слишком провокационное высказывание.

Библиографический список

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями: монография / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2022. 336 с.

Jo, E.A. *Memory, Institutions, and the Domestic Politics of South Korean—Japanese Relations* // Cambridge: Cambridge University Press, 2022. 318 p.

Kim, E.H., Choi, C. Dangerous Women: Gender and Korean Nationalism // New York and London: Routledge, 1998. 264 p.

Park, Y.H. Comfort Women of the Japanese Empire: Colonial Rule and the Battle Over Memory // London: Routledge, 2025. 320 p.

Shin, J. A Comfort Women Redress Movement without Comfort Women // New Haven: Council on East Asian Studies, 2021. 27 p.

Stetz, M. Oh B.B.C. Legacies of the Comfort Women of World War II // New York: An East Gate Book, 2015. 271 p.

Żakowski, K. “Comfort Women” Problem as a Catalyst for Civil Society and Nationalism in Japan and South Korea // University of Łódź, 2020. 30 p.

References

Jo, E.A. (2022) Memory, Institutions, and the Domestic Politics of South Korean—Japanese Relations. Cambridge: Cambridge University Press. 318 p.

Kim, E.H., Choi, C. (1998) Dangerous Women: Gender and Korean Nationalism. New York and London: Routledge. 264 p.

Park, Y.H. (2025) Comfort Women of the Japanese Empire: Colonial Rule and the Battle Over Memory. London: Routledge. 320 p.

Shin, J. (2021) A Comfort Women Redress Movement without Comfort Women. New Haven: Council on East Asian Studies. 27 p.

Stetz, M. Oh B.B.C. (2015) Legacies of the Comfort Women of World War II. New York: An East Gate Book. 271 p.

Strieltssov, D.V. (ed.) (2022) Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami: monografiya [Problems of the Historical Past in Japan's Relations with Neighboring Countries: A Monograph]. Moscow: Aspekt Press. 336 p. (In Russian)

Żakowski, K. (2020) “Comfort Women” Problem as a Catalyst for Civil Society and Nationalism in Japan and South Korea. Łódź: University of Łódź. 30 p.

Поступила в редакцию: 15.06.2025
Received: 15.06.2025

Принята к публикации: 23.06.2025
Accepted: 23.06.2025